

2. КОММУНИКАЦИЯ, ЯЗЫК, СМЫСЛ

А.Л. Никифоров

Язык как средство построения индивидуального жизненного мира

1. Значение языковых выражений

С помощью мышления человек строит картину окружающего мира, и эта картина находит выражение в языке. Язык одной своей стороной обращен к мышлению: именно мышление наполняет языковые выражения смыслом. Но другой своей стороной он обращен к миру: мышление, смысл с помощью языка налагается на внешние воздействия, интерпретируя их в виде предметов. Так создается мир, в котором мы живем.

Наиболее прочную и устойчивую основу этого мира составляет, по-видимому, знание – то знание, которое мы получаем в процессе взаимодействия с окружающим миром в обыденной жизни, которое представлено в научных публикациях, учебниках, энциклопедиях и принимается всеми членами общества. Усваивая язык, овладевая смыслом слов и терминов повседневного и научного языков, человек постепенно приобретает умение видеть мир глазами общества, т. е. интерпретировать внешние воздействия, создавая образы предметов, свойств, связей между предметами и явлениями и т. п. В дополнение к естественной среде своего обитания человек создает так называемую «искусственную» среду. Мы живем, в основном, не среди лесов, полей и рек, а среди асфальтовых дорог, домов и автомобилей. Нас окружают не только цветы и деревья, но и холодильники, стиральные машины, столы и стулья. Когда мы обсуждали вопрос о том, где и как существует знание¹, мы решили, что знание

¹ *Никифоров А.Л.* Смысл языковых выражений и знание // *Философия науки.* Вып. 15. М., 2010.

существует как смысловая сторона или смысловое содержание повседневного и научного языков. Сейчас мы можем к этому добавить, что знание существует также в виде предметного мира, который нас окружает. Окружающий нас мир есть предметное воплощение нашего знания. Знание – это не «третий мир» бестелесных идей и проблем К.Поппера, это не ментальное состояние того или иного индивида, знание – это окружающий нас мир, создаваемый нашей интерпретацией внешних воздействий.

Как известно, логическая семантика сводила значение языковых выражений, в основном, только к предметному или денотативному значению: значением слова является обозначаемый этим словом предмет (или класс предметов, «естественный вид» и т. п.). Основной функцией языка в логической семантике называется функция обозначения. Поэтому естественно возникает мысль о том, что посредством анализа языка мы можем выявить структуру мира. «Анализ языка, – пишет Л.Б.Макеева, – служит ключом к выявлению структуры и содержания реальности. Такова позиция создателей аналитической метафизики, которые убеждены в том, что, изучая феномен языка, его общие черты и механизмы функционирования, можно составить представление и об онтологическом строении мира, т. е. установить, что имеет статус существующего»².

Практически все концепции аналитической философии, рассматривавшие отношение между языком и миром, опирались на весьма сомнительную с точки зрения эпистемологии идею: существуют предметы, события, положения дел, а мы с помощью языка лишь обозначаем эти предметы и положения дел и проблема состоит лишь в том, чтобы отделить выражения, обозначающие реально существующие предметы, от тех выражений, которым в реальности ничего не соответствует и которые, следовательно, ничего не обозначают.

Сведение всех функций языка к обозначению чрезмерно упрощает картину. Язык служит не только для обозначения. Его основная функция – обеспечение коммуникации, хранение и передача информации. Для рассмотрения этой функции одного денотативного значения уже не хватает, приходится обращаться к понятию смысла. Опять-таки, логическая семантика, начиная с Г.Фреге, со-

² Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 1911. С. 15.

держание смысла языкового выражения сводила только к указанию на обозначаемый объект: смысл языкового выражения – это способ указания на тот объект, который обозначается этим выражением. Всего этого, может быть, достаточно для построения и анализа искусственных языков логики и математики, но когда мы обращаемся к естественному языку, чрезмерная упрощенность всех этих рассуждений становится очевидной.

Лингвистическая семантика, описывающая свойства выражений естественного языка, даже в самом первом приближении выделяет, по крайней мере, четыре слоя в значении языкового выражения: денотативное значение; сигнификативное значение; прагматическое значение и синтаксическое значение³. Для нас в данном случае важно то, что в лингвистике значение языкового выражения не сводится к денотату или референту, а имеет весьма сложную структуру.

«Денотативный слой значения, – пишет И.М.Кобозева, – или *денотативное значение*, или просто *денотат* языкового выражения, – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь»⁴. В логико-семантической традиции под денотатом или референтом принято понимать предмет или множество предметов, обозначаемых языковым выражением, а информация об этом предмете выражается понятием смысла. О нем мы и будем говорить ниже.

Первый слой смысла слов повседневного и терминов научного языков состоит из знания о предметах и явлениях окружающего мира. Наши обычные слова «воздух», «земля», «дерево», «человек», «река» и т. п. несут в себе то знание о соответствующих объектах, которое мы приобретаем в процессах взаимодействия и действия с ними. Смысл научных терминов «масса», «сила», «электрический заряд», «ген» и т. п. задается научными теориями. Наука влияет также и на смысл слов нашего повседневного языка, дополняя его теми знаниями, которые мы не можем получить в обыденной жизни. Скажем, в смысл слова «воздух» современный человек включает также знание о том, что это смесь газов, что воздух содержит кислород, что он оказывает на нас давление и т. п.

³ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2009. С. 58.

⁴ Там же.

Знание – это часть смысла языковых выражений, которая сохраняется при переводе с одного языка на другой и делает возможной коммуникацию между представителями разных народов. Налагая языковые выражения на чувственные восприятия, мы формируем образы предметов и явлений окружающего мира, – референты этих выражений. Знание и конструируемый с его помощью предмет обрывает то денотативное значение, о котором говорит И.М.Кобозева.

Однако смысл языковых выражений не исчерпывается знанием. В него включаются также те культурные коннотации, ассоциации, которые связывают с предметами и явлениями люди, принадлежащие определенной культуре. И если знание можно в какой-то мере считать интернациональным, культурный слой смысла одних и тех же языковых выражений может весьма сильно различаться у разных народов⁵.

Вот, например, очень простые и обыденные слова: «белый» и «черный». В энциклопедических словарях разных народов они определяются приблизительно одинаково: белый – цвет свежесвыпавшего снега, лебедя; черный – цвет угля, сажи. Предметное значение этих слов и для немца, и для русского будет одним и тем же. Однако в дополнение к этому предметному значению в русской культуре белый цвет ассоциируется с чистотой, невинностью, с чем-то вообще хорошим: белое платье невесты, белый голубь – символ мира, доброй вести, белая скатерть для дорогих гостей. Черный цвет, напротив, – это цвет траура, печали, чего-то плохого, злого: черные мысли, черная зависть, черные тучи. Встретить черную кошку – к несчастью. А вот в английской культуре встреча с черной кошкой означает удачу, везение, счастье. В России слово «национальность» означает принадлежность к определенной нации, к народу – татарин, армянин, литовец. Английское слово «nationality» означает вовсе не национальность в этом смысле, а гражданство. Мы о своей стране говорим: «Родина», «Отечество», «Отчизна», в английском языке обычно употребляется лишь одно слово «country»; мы говорим: «наша страна», англичанин более сухо и сдержан: «this country» – «эта страна» – произносит он, даже говоря о своей родной Англии.

⁵ Чрезвычайно интересный материал по этому вопросу можно найти в книге: Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

Наши местоимения «ты» и «вы» передают десятки различных отношений людей друг к другу: вежливое, уважительное или холодное, отчужденное «вы» и дружеское, интимное, а то и грубое, хамское «ты». У англичан есть только одно «you» – «вы». А грамматический род наших слов – род, которого лишены слова английского языка? Мы относим к мужскому или женскому роду не только людей или животных, но и деревья, цветы, горы и реки, планеты и звезды: роза и мак, береза и дуб, Волга и Днепр, Париж и Венеция. Тем самым мы как бы одушевляем окружающие нас предметы, делаем их ближе, роднее. В самом деле, нам легко произнести: «Волга-матушка» или «Одесса-мама», англичанин же едва ли скажет: «Темза-матушка». А ведь приписывание грамматического рода существительным способно оказывать достаточно серьезное влияние на наше восприятие предметов и ситуаций. Широко известным примером этого влияния является перевод М.Ю.Лермонтовым стихотворения Г.Гейне, в котором могучий северный кедр «*ein Fichtenbaum*» тоскует о далекой южной пальме «*eine Palme*». Гейне рассказывает историю о мужчине и женщине. Лермонтов в своем переводе вынужден был превратить «*der Fichtenbaum*» в сосну – предмет женского рода – и смысл всего стихотворения принципиально изменился: оно стало повестью о двух разлученных сестрах.

Быть может, стоит еще обратить внимание на обилие в русском языке так называемых «уменьшительно-ласкательных» суффиксов, с помощью которых мы можем выразить целую гамму отношений к людям, предметам и явлениям. Например, русское слово «старуха» можно передать по-английски выражением «*old woman*». Но есть еще слова «старушка», «старушенция». Как можно было бы передать на английском языке то чувство, которое выражено в стихотворной строчке С.Есенина: «Ты жива еще, моя старушка?». Буквальный перевод этого вопроса: «*Are you still alive, my dear little old women?*», далеко не выражает той нежной заботливости, с которой поэт обращается к своей старушке матери. Разница в смысле языковых выражений обусловлена различием культур: каждая культура создает свой собственный мир, в котором живет народ – творец и носитель этой культуры.

Разница в культурном слое смысла языковых выражений наиболее ярко проявляется при попытках перевода литературы одного народа на язык другого народа. Знаменитый русско-американский

писатель В.В.Набоков, живший и в мире русской, и в мире американской культуры, в своей статье «Искусство перевода»⁶ говорит о почти непреодолимых трудностях перевода с одного языка на другой. «...В переводе Чехова на немецкий язык, – пишет он, разбирая разнообразные казусы и нелепости перевода, – учитель, едва войдя в класс, погружается в чтение “своей газеты”, что дало повод величавому критику сокрушаться о плачевном состоянии школьного обучения в дореволюционной России. На самом-то деле Чехов имел в виду обыкновенный классный журнал, в котором учитель отмечал отсутствующих учеников и ставил отметки. И наоборот, невинные английские выражения “first night” (“премьера”) и “public house” (“пивные”, “закусочные”) превращаются в русском переводе в “первую брачную ночь” и “публичный дом”»⁷.

Набоков рассказывает о том, как он бился над переводом на английский язык первой строки стихотворения А.С.Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». Английский перевод будет выглядеть так: «*I remember a wonderful moment*». – «Как ни старайся, – замечает Набоков, – английского читателя не убедишь, что “*I remember a wonderful moment*” – совершенное начало совершеннейшего стихотворения.

«Прежде всего я убедился, – продолжает он, – что буквальный перевод в той или иной мере всегда бессмыслен. Русское “я помню” – гораздо глубже погружает в прошлое, чем английское “*I remember*”... В слове “чудное” слышится сказочное “чудь”, окончание слова “луч” в дательном падеже и древнерусское “чу”, означавшее “послушай”, и множество других прекрасных русских ассоциаций. И фонетически, и семантически «чудное» относится к определенному ряду слов, и этот русский ряд не соответствует тому английскому, в котором мы находим “*I remember*”. И напротив, хотя английское слово «*remember*» в контексте данного стихотворения не соответствует русскому смысловому ряду, куда входит понятие “помню”, оно, тем не менее, связано с похожим поэтическим рядом слова “*remember*” в английском, на который при необходимости опираются настоящие поэты. Ключевым словом в строке Хаусмана “*What are those blue remembered hills?*” («Что за синие вспомнившиеся холмы?») в русском переводе становится ужасное,

⁶ Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб., 2010.

⁷ Там же. С. 433.

растянутое слово “вспомнившиеся” – горбатое и ухабистое и никак внутренне не связанное с прилагательным “синие”. В русском, в отличие от английского, понятие “синевы” принадлежит совершенно иному смысловому ряду, нежели глагол “помнить”»⁸.

2. Семантические поля

Замечание Набокова приводит нас к еще одному компоненту смысла – той его части, которая зависит от места слова в лексической структуре языка, от его связи с другими словами. Де Соссюр называл это «значимостью», современные лингвисты называют этот компонент «структурным значением». Все лексическое богатство языка распадается на множества взаимосвязанных слов, и эти связи влияют на значения входящих в множество слов. Это легко понять, если мы возьмем, например, такое простое слово, как «друг». Предметным значением этого слова будет человек, с которым вас связывают определенные отношения. Однако дополнительное значение этому слову придает его связь с такими словами, как «враг», «знакомый», «приятель» и т. п. Вот такие наборы взаимосвязанных слов лингвисты называют «семантическими полями».

«В современном языкознании, – пишет И.М.Кобозева, – *семантическое поле* определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц;
- 4) относительной автономностью поля;
- 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря).

⁸ Набоков В. Лекции по русской литературе. С. 440–441.

Примеры семантических полей: поле времени, поле животноводства, поле имен родства, поле цветообозначений, поле глаголов побуждения, поле имен характеров и т. д.»⁹.

Какие отношения (корреляции) связывают слова внутри одного поля? Ну, прежде всего, это отношение *синонимии* или *квази-синонимии*: «бросать – кидать», «глядеть – смотреть», «заснуть – уснуть», «убегать – драпать – улепетывать» и т. п. Затем это *родовидовые* отношения: корреляция рода с видами и вида с родом: «дерево – дуб, береза», «сосуд – стакан, графин» и т. п. Далее можно назвать отношение *несовместимости*, имеющее место между видами одного рода: «родитель: мать – отец», «передвигаться: идти – бежать – ползти». Отношение *антонимии*, в котором находятся слова, противоположные по смыслу: «спать – бодрствовать», «влететь – вылететь», «здороваться – прощаться», «большой – маленький» и т. п. Наконец, *конверсивная* корреляция связывает слова, относящиеся к одной и той же ситуации, но характеризующие ее с противоположных сторон: «выиграть – проиграть», «над – под», «купить – продать» и т. п.

Все эти отношения между словами одного семантического поля вносят свой вклад в их смысл, который иногда почти целиком задается этими отношениями. Возьмите, например, слово «племянник». Его предметное значение исчерпывается всего лишь двумя признаками – это человек мужского пола. Для того чтобы полнее представить себе смысл этого слова, нужно знать смысл таких слов, как «родственник», «родитель», «мать», «отец», «сестра», «брат», «сын», и отношения, связывающее слово «племянник» со всеми этими словами, т. е. знать все семантическое поле, в которое входит данное слово. У народов с иными отношениями родства все эти слова могут изменить свой смысл. Отсюда следует, что смысл слова задается в значительной мере тем семантическим полем, к которому принадлежит данное слово. Слово, взятое в изоляции от своего семантического поля, часто обладает очень бедным смыслом.

Эти семантические поля или «смысловые ряды», как называет их Набоков, будут разными в различных языках. Разные народы и их языки по-разному расчленяют поле времени, поле родства, поле растений и т. п., создавая отличные друг от друга миры культуры. И можно подозревать, что эти миры несоизмеримы и несовместимы.

⁹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. С. 99.

мы: нельзя мир одной культуры вполне описать на языке другой культуры и нельзя одновременно жить в двух культурных мирах. Конечно, один человек способен освоить несколько языков и жить в мирах разных культур, но в определенный момент времени он может говорить только на одном языке и жить только в одном культурном мире. И даже если он одинаково хорошо чувствует себя в двух мирах и одинаково хорошо владеет двумя языками, он не может на языке одной культуры выразить все содержание другой культуры. Как раз Набоков в этом отношении может служить хорошим примером. При переводе с одного языка на другой может сохраниться только та часть смысла, которая воплощает знание, культурная компонента почти всегда подвергается изменению. Поэтому перевод не только является «неопределенным», как полагал Виллард Куайн, он попросту невозможен.

3. Референты естественного языка

Имя существительное – это грамматическая категория, отличающаяся от других тем, что ей присущ род (мужской, женский, средний), число (единственное или множественное) и падеж. На месте подлежащего в предложении обычно стоит существительное, обозначающее предмет нашей мысли. Но этот предмет далеко не всегда является предметом в обыденном смысле слова – какой-то устойчивой материальной вещью. В самом деле, если цветок или кирпич можно считать предметами, то дым или огонь называть «предметами» как-то трудно. Поэтому, говоря о референтах наших существительных, будем подразумевать под этим любой объект нашей мысли. Взглянув на объекты мира культуры, т. е. на референты имен существительных нашего языка, мы прежде всего отмечаем их громадное разнообразие. Так называемые «материальные» или «реально существующие» объекты занимают в этом мире довольно скромное место, значительно больше в нем объектов, созданных нашим воображением и фантазией.

Начнем хотя бы с героев литературных произведений, сказок, мифов, легенд. Все мы прекрасно понимаем, что никогда не было на свете венецианского мавра Отелло или датского принца Гамлета – их придумал Вильям Шекспир. Никогда не существовали Хлестаков или Чичиков – их придумал Н.В.Гоголь. Не хо-

дил по улицам Лондона знаменитый на весь мир сыщик Эркюль Пуаро – его изобрела Агата Кристи. Царя Салтана и князя Гвидона создал А.С.Пушкин. Баба Яга, Кошей Бессмертный, разбойник Прокруст, побежденный Гераклом, Змей Горыныч, Медуза Горгона и Соловей-разбойник – все они плод народной фантазии и воображения. Тем не менее все эти персонажи живут в нашей культуре, в личном мире множества людей и оказывают порой на мысли, чувства, поведение людей гораздо большее воздействие, чем многие реально существовавшие или существующие люди. Я с огромным трудом вспоминаю имя Жака Ширака, недавнего президента Франции. По-видимому, у этого имени есть физический референт, т. е. живой реальный человек, но этот человек не занимает никакого места ни в мире русской культуры, ни в моем личном мире. А вот размышления Гамлета о жизни и смерти, о лицемерии и подлости, его понимание нравственного долга заставляли многих из нас задумываться над этими вопросами и, возможно, оказали какое-то влияние на нашу жизнь. Гамлет занимает в мире нашей культуры гораздо более значительное место, нежели Жак Ширак.

Таким образом, для начала мы можем отметить, что значимость референта того или иного имени или существительного для культуры и для личного мира отдельного человека никак не зависит от физического существования или несуществования этого референта.

К числу заведомо несуществующих объектов относятся также идеальные или абстрактные объекты, являющиеся референтами терминов научных теорий. Материальная точка, инерциальная система, идеальный газ, абсолютно упругое тело, числа, геометрические фигуры и вообще объекты математики – все они являются предметами, не обладающими реальным существованием. Точно так же повседневный язык превращает в предметы красоту, любовь, белизну или скорость, силу или радость. Эти абстракции задают самые общие, первоначальные формы и схемы для построения реальных объектов и образуют фундамент наших интерпретаций внешних воздействий. Благодаря им мы распознаем во внешнем мире конкретные тела, отношения, свойства.

Однако даже с теми референтами наших существительных, которые как будто бы обладают реальным существованием, дело обстоит не так уж просто. Начнем с *имен событий*, которые в логической семантике, кажется, никогда не рассматривались.

Что такое свадьба, извержение вулкана, морской шторм или восход Солнца? События. Что такое Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Реформация или открытие Америки? События. Они обозначаются общими или единичными терминами, но что собой представляют референты этих имен? Ясно, что событие включает в себя какие-то физические предметы и процессы, людей и их действия, но как все это соединяется в нечто единое – в конкретное событие? Можно ли сказать, что событие существует до того, как ему дали имя?

Возьмем для простоты имя какого-нибудь известного события, скажем, «Столетняя война». Известно, что это была война между Англией и Францией, которая началась в 1337 г. с разгрома французского флота у берегов Фландрии. Затем последовали поражения при Креси, при Пуатье, пленение французского короля англичанами, подвиги «Черного принца» Эдуарда, описанные в романе А. Конан-Дойля «Белый отряд». На этот же период приходится восстание в Париже под руководством купеческого старшины Этьена Марселя и крестьянская Жакерия. Несколько раз враждующие стороны заключали перемирие на все более тяжелых для французов условиях, страна распадалась на отдельные провинции. Наконец, во время знаменитой осады Орлеана появляется Жанна д'Арк, под руководством которой французы одерживают первую победу, и в 1453 г. война заканчивается почти полным изгнанием англичан с территории Франции.

Теперь спросим: существовал ли объект, обозначаемый термином «Столетняя война», до того, как мы дали ему имя? Совершенно очевидно, что такого объекта не было. Реально происходили какие-то сражения, передвижения войск, захваты, пожары, грабежи. В 1360 г. был заключен мир; в 1420 г. еще раз был заключен мир, т. е. военные действия вовсе не были непрерывными. Тысячи разнообразнейших эпизодов, сменяющих друг друга во времени, одновременных и переплетающихся друг с другом на протяжении 116 лет, мы подвели под одно общее наименование «Столетняя война» и тем самым создали новый объект. *Имя создает, а затем обозначает* свой объект. *И это справедливо для всех объектов.*

Вы смотрите в окно и видите: с неба льется вода или падают снежинки. Вы произносите: «Дождь» или «Снег». Слово «дождь» объединяет многочисленные капли и струйки воды, падающие на

землю, в нечто единое, цельное, в событие, являющееся референтом этого термина. Звезды ночного неба мы объединяем в созвездия – Большая Медведица, Лира, Дракон, Кентавр и т. п. Мы видим в них нечто целое, хотя звезды, которые мы относим к одному созвездию, часто весьма далеки друг от друга и никак между собой не связаны. Чем созвездия отличаются от «Столетней войны»? Мы часто превращаем в отдельные предметы части реальных объектов, которые, конечно, сами по себе существовать не могут, например, хвост собаки, нос (помните «Нос» Н.В.Гоголя?), этаж дома, окно и т. п.

Короче говоря, мир культуры и личный мир отдельного человека наполнены такими объектами, которые вызваны к жизни только словом: смысл слова задает его референт, превращая в некий самостоятельный объект совокупность внешних воздействий и обстоятельств.

Но, может быть, сами по себе, независимо от обозначения реально существуют хотя бы конкретные единичные предметы – отдельные капли дождя, снежинки, Луна или Эверест? Посмотрим на то, что нам всего ближе – на имена известных нам людей.

Вот перед нами распространенное имя «Петр». Немало разных людей носило и носит это имя. Не вдаваясь в этимологию, добавим к нему отчество «Сергеевич», т. е. включим в смысл нашего имени дополнительную черту: сын Сергея. Круг людей, носящих имя «Петр Сергеевич», будет гораздо уже множества лиц, носящих имя «Петр». Внесем в смысл нашего имени фамилию, год и место рождения, адрес проживания и т. п. В конечном итоге нам все-таки удастся выделить того единственного индивида, которого мы обозначаем именем «Петр Сергеевич». Допустим, это мой молодой друг.

Увы, как только нам удалось выделить интересующий нас единичный объект, как он сейчас же начинает дробиться, расплываться, вибрировать и даже исчезать. Если бы он все время оставался одним и тем же, как число 9, как корень квадратный из 25, как треугольник, то все было бы прекрасно. Но наш объект постоянно изменяется! И это изменение выражается в вариациях его имени. В раннем детстве, когда он еще играл в кубики-рубики, его ласково называли «Петенька», «Петушок»; в школе и в университете он уже «Петька», «Петя», «Петр»; вот он защитил диссертацию, читает лекции, и студенты обращаются к нему почтительно: «Петр Сергеевич». Годам к 50-ти его научные труды прославили его имя

по всему миру, самые престижные университеты США, Англии, Германии конкурируют за честь иметь его в числе своих сотрудников, теперь его называют «известный профессор К.». Проходит еще два десятка лет, и мы видим опустившегося старика, которого соседи ласково кличут «Сергеич». Так каков же референт имени «Петр Сергеевич» – школьник, студент, профессор?

Но изменение самого объекта – это еще пустяки. Главная трудность заключается в том, что разные люди, употребляя имя «Петр Сергеевич», вкладывают в него свой специфический смысл. В устах матери это имя имеет один смысл; жена вкладывает в него другой смысл; коллеги по работе, говоря о Петре Сергеевиче, имеют в виду нечто такое, о чем не подозревают ни мать, ни жена. Каждый человек строит свой образ Петра Сергеевича, приписывая ему специфический набор свойств. Для матери он любящий сын; для жены – заботливый муж; для сына – наставник, кормилец, старший друг; для коллег – талантливый ученый. Однако во всей целокупности своих черт и свойств он не является никому, он всегда повернут к окружающим какой-то одной из своих сторон. И мы опять возвращаемся к нашему вопросу: каков же референт имени «Петр Сергеевич»?

Выражаясь несколько иначе, мы можем сказать, что с этим именем разные люди связывают разные наборы дескрипций, т. е. придают этому имени разные смыслы. И нет никого, кто связал бы с этим именем *объединение* всех этих разных наборов, иначе говоря, «полный» набор черт, особенностей, свойств Петра Сергеевича – как отца, сына, мужа, коллеги и т. п. И в этом смысле Петр Сергеевич во всей полноте своих характеристик не существует ни для кого, даже для самого себя. Можно предположить, что смысл имени «Петр Сергеевич» образуется *пересечением* разнообразных индивидуальных наборов дескрипций, т. е. теми чертами Петра Сергеевича, которые входят в каждый из таких наборов: человек, мужского пола, русский. Вот так и получается, что мы с двух сторон приходим к одному и тому же выводу: имя изменяющегося, рассматриваемого к тому же с разных сторон единичного предмета является абстракцией – обозначением идеализированного объекта. И этот объект столь же мало существует в реальности, как сила, масса, скорость, биологический вид, война или революция. Все эти по-

нения и выражающие их слова задают некоторые общие схемы, которые мы налагаем на внешние воздействия для конструирования предметного мира.

С этой точки зрения имя «Петр Сергеевич» не так уж сильно отличается от так называемых «пустых» имен типа «Пегас», «Евгений Онегин», «Дон Кихот» и т. п. Их называют «пустыми» вследствие того, что референты этих имен не существуют в качестве физических объектов. Начиная с Б. Рассела считается, что употребление таких имен способно приводить к логическим затруднениям. По-видимому, эти затруднения возникают благодаря чрезвычайно упрощенному представлению о языке и его предметной области – тому представлению, на которое опиралась логическая семантика в своем развитии. При таком упрощенном представлении употребление терминов, относящихся к идеализированным объектам или к литературным персонажам, якобы приводит к нарушению законов логики. Но ничего подобного не происходит. С более широкой точки зрения здесь вообще нет никаких проблем.

4. Экспрессивно-оценочные выражения

С точки зрения употребления лингвисты выделяют три разных класса слов. Во-первых, это слова, обладающие только предметным значением и не выражающие никакого отношения говорящего к обозначаемым предметам и явлениям. К этому классу будут относиться такие слова, как «дерево», «император», «писатель», «масса», «реформа», «белый» и т. п. Выше шла речь только о словах такого рода. И это было оправданно, ибо это – слова, с помощью которых конструируется мир знания и культуры. Овладевая повседневным и научным языками, мы делаем часть этого громадного мира знания и культуры основой своего жизненного мира. Ко второму классу относятся слова, выражающие чистую оценку без указания объекта, к которому эта оценка относится, например, «хороший», «полезный», «уродливый», «вредный», «прекрасный» и т. п. Только контекст, т. е. соединение оценки со словами первого рода, позволяет понять, к каким предметам и явлениям применяет говорящий эти оценки: «хороший писатель», «вредная реформа», «безобразная скульптура».

Когда мы начинаем говорить об индивидуальном жизненном мире, то наиболее интересным оказывается третий класс, состоящий из таких слов, которые указывают на некоторый объект и одновременно выражают оценку этого объекта говорящим. Например, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова мы читаем: «*Пособник* – помощник в дурных, преступных действиях»; «*Сподвижник* – помощник в деятельности на каком-нибудь поприще, соратник». Слова «пособник» и «сподвижник» по своему предметному значению совпадают – это помощник в каком-то деле, однако они выражают совершенно разное отношение говорящего к этому «помощнику» и к самому «делу». Таковы же слова «заклеймить», «самоуправство», «сговор», «военщина», «судилище», «произвол», «лихачество» и т. п. Лингвисты называют их «экспрессивно-оценочными» словами или «прагмемами»¹⁰, подчеркивая в этом названии их специфически прагматическую функцию: не только обозначать какой-то предмет, явление или передавать информацию о нем, но и выражать – положительное или отрицательное – отношение говорящего к этому предмету или явлению. Прагмемы резко отличаются от слов первых двух классов. Слова первого класса обладают только предметным значением и могут выступать в качестве субъекта суждения. Здесь референт и смысл – указание на предмет и информация о нем – слиты воедино, в одно значение. Слова второго класса вообще не указывают на предмет, их смысл исчерпывается оценкой и обычно они используются только в качестве предикатов. Лишь соединение слов этих двух классов способно породить суждение: «Дом – удобный», «Поступок – нравственный», «Лекарство – полезное». А вот в прагмеме предметное значение соединяется, сплавляется с оценкой – это одновременно и указание на объект, и информация о нем, и выражение отношения к нему. Поэтому прагмему можно рассматривать как «свернутое», сжатое в одно слово суждение. Обозначить какой-то поступок словом «произвол» значит одновременно охарактеризовать его как незаконный, несанкционированный, своевольный. Здесь в одном слове содержится подлежащее и сказуемое, субъект и предикат.

¹⁰ См.: *Элштейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания. – Образ человека XX века. М., 1988. С. 178. Слово «прагмема» кажется довольно-таки уродливым, однако нелегко найти ему столь же краткую замену.

Смысл слов с обычным предметным значением в значительной мере зависит от контекста употребления. Например, взглянув на ряд предложений: «Эта комната свободна», «Наконец-то я свободна!», «Сэр, это свободная страна!», мы замечаем, как варьируется смысловое наполнение слова «свободна». Но прагмема, будучи «свернутым» предложением, оказывается в значительной мере независимой от контекста, более того, она сама задает свой контекст. Вот два предложения: «Опытный политик сумел заключить соглашение с предводителем повстанцев» и «Матерый политикан вступил в сговор с главарем бандитской шайки». Легко видеть, что как только на место слова «политик» мы поставили прагмему «политикан», так сразу же мы вынуждены соответствующим образом подбирать другие слова: вместо «опытный» – «матерый», вместо «соглашения» – «сговор» и т. д. Прагмема сама задает свой контекст. Поэтому как только мы прибегли к использованию прагмемы, так сразу же придали своему тексту или своей речи определенную – хвалебную, уничижительную, восторженную или оскорбительную – окраску, которая диктует нам подбор дальнейшей лексики. Скажем, ясно, что слова «содружество», «прогрессивный», «свободолюбие», «благотворный» не могут входить в оценочно-отрицательный контекст, а слова «сговор», «мракобесие», «тоталитаризм», «лизоблюдство» – в оценочно-положительный.

Когда выше мы говорили о семантических полях, то отмечали, что слова, принадлежащие одному семантическому полю, связаны несколькими отношениями: синонимии или квази-синонимии, родовидовыми отношениями, отношениями несовместимости или антонимии, наконец, отношением конверсии. Все эти отношения связывают и прагмемы, образуя особые экспрессивно-оценочные семантические поля. Следует заметить, что само употребление прагмем освобождает от необходимости доказательств, обоснований: ясно, что «предусмотрительность» заведомо лучше «безрассудства», а «мужество» безусловно лучше «трусости», и эта оценка уже включена в смысл используемых слов.

5. Построение индивидуального мира

Теперь мы можем более ясно сказать, что собой представляет смысл языковых выражений, который, как когда-то полагал Г.Фреге, исчерпывается указанием на обозначаемый объект. Усваивая язык в детстве, мы усваиваем те знания о вещах и явлениях окружающего мира, которые «осели» в смысле слов обыденного языка, которые выражаются в толковых словарях, энциклопедиях и составляют основное содержание здравого смысла. Это знание является приблизительно одним и тем же для всех людей, владеющих тем или иным национальным языком, более того, оно в значительной мере является общим для представителей разных народов, живущих в сходных природных условиях. Это позволяет людям разных стран и народов понимать друг друга.

Второй элемент смысла – научные знания. Наука в последние три столетия оказывает возрастающее влияние не только на жизнь людей, но и на язык. И дело не только в том, что в обыденный язык проникает все большее количество научных терминов, даже давно используемые слова приобретают дополнительный смысл благодаря влиянию научных знаний. Старое слово «звезда» уже не просто обозначает яркую точку на ночном небе, но уже подразумевает раскаленное самосветящееся тело, похожее на наше Солнце. Научное знание интернационально¹¹, поэтому эта часть смысла языковых выражений также не вызывает затруднений при общении. Обыденный и научный компоненты смысла – вот что делает возможным перевод с одного языка на другой.

Третий элемент смысла языковых выражений определяется особенностями национальной культуры. Здесь, как мы видели, смысловые поля, влияющие на значение языковых выражений, могут очень сильно различаться в разных языках. К тому же и наполнение миров культуры, обусловленное мифами и легендами, религиозными верованиями, литературой и музыкой, особенностями национальной истории, будет естественным образом разным для культур разных народов. С этим смысловым компонентом связаны трудности понимания, общения, перевода. В разных национальных языках одно и то же слово обычно включается в разные се-

¹¹ Это спорное утверждение, но здесь мы не можем останавливаться на его обсуждении.

мантические поля, ассоциируется с разными словами и эти лексические связи придают одному и тому же слову разный культурный смысл в разных языках.

Четвертый элемент смысла выражает наше отношение к вещам, явлениям, событиям. Индивид строит свой жизненный мир с помощью национального языка, однако при этом он неизбежно обращается к использованию прагмем – экспрессивно-оценочных слов, придающих вещам и явлениям определенную эмоциональную окраску. Это и есть тот «личностный» смысл, о котором мы упоминали выше. Каждый из нас выбирает свой индивидуальный набор таких слов, поэтому миры разных индивидов приобретают свой неповторимый оттенок. Это обусловлено не только тем, что каждый из нас владеет только какой-то малой частью знаний и культуры общества. Эту сферу всегда можно расширить. Главное в том, что особенности личности каждого человека диктуют ему выбор именно таких слов и выражений для характеристики вещей и событий. Можно даже сказать, что именно в подборе экспрессивно-оценочных выражений проявляется личность человека, создающего для себя уникальный жизненный мир. Личность – это и есть тот мир, который создает для себя человек. И в той мере, в которой один человек отличается от другого, в той же мере будут отличаться и те миры, которые каждый из них создает для себя. Рассуждения о душе, духовности, о сознании человека всегда страдают некоторой неопределенностью, ибо все эти вещи трудно уловимы. Но они проявляются в том смысле, который человек вкладывает в слова используемого им языка, а слово и его смысл – это уже вполне доступный для анализа предмет.

Присмотритесь, прислушайтесь к словам, с помощью которых человек описывает события окружающей жизни, свое прошлое и историю страны, в которой живет, людей, с которыми общается, и вы поймете, чем полна его душа, каков мир, в котором он живет. Великая художественная литература дала бесчисленное множество примеров разных индивидуальных миров, в которых живут герои литературных произведений. Люди разных психологических типов, разных социальных слоев, сфер деятельности и т. п. живут в разных мирах. Иллюстрация этого достаточно очевидного положения кажется излишней.